

ПРАВИЛАМ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ НЕ МЕСТО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ

В статье предпринята попытка рассмотрения института подследственности уголовных дел с методологических позиций, предполагающих определение его целей, задач и процессуального значения в системе общих условий предварительного расследования. В результате исследования автор приходит к выводу, что подследственность не имеет высокого правового значения, требующего законодательного регулирования, а необходима исключительно для решения организационных вопросов, связанных с обеспечением эффективности предварительного расследования. В этой связи вносятся предложения по исключению института подследственности из УПК РФ с передачей его правового регулирования на подзаконный уровень.

Ключевые слова: место производства предварительного расследования; подследственность; подсудность; предварительное расследование.

Институт подследственности¹ уголовных дел, являясь одним из общих условий предварительного расследования, достаточно хорошо изучен как на доктринальном, так и на практическом уровне. В частности, учеными-процессуалистами сформулировано понятие подследственности; рассмотрены основные признаки (критерии) для ее определения; разработаны рекомендации по разрешению возникающих споров о подследственности и т.д. В последнее время в юридической печати появилось много публикаций прикладного характера, посвященных толкованию соответствующих статей уголовно-процессуального закона [4, с. 33–35 ; 20, с. 4–6], особенностям определения подследственности по отдельным категориям уголовных дел [13, с. 151–157 ; 19, с. 71–74], практи-

ческим рекомендациям, направленным на разрешение споров о подследственности в случаях, четко не урегулированных нормами УПК РФ [7, с. 42–44 ; 9, с. 67–68 ; 26, с. 51–53] и т.д. Определенный вклад в разработку этого вопроса был внесен и нами при написании соответствующих глав в учебниках по уголовному процессу [16, с. 347–350 ; 23, с. 439–440] и комментарии к УПК РФ [24, с. 656–669]. В недавнем времени нами совместно с помощником Останкинского межрайонного прокурора г. Москвы А.А. Приходько была подготовлена статья, посвященная проблемным вопросам, возникающим в практике определения места производства предварительного расследования, в частности по уголовным делам о преступлениях, сопряженных с использованием различных средств связи. Статья еще не увидела свет; ее публикация ожидается в журнале «Уголовный процесс» в конце 2016 г.

Однако в уголовно-процессуальной литературе практически нет ни одного исследования, рассматривающего институт подследственности с методологиче-

¹ Здесь и далее мы понимаем подследственность в широком значении этого термина, подразумевая под ним не только правила, установленные одноименной ст. 151 УПК РФ, все положения процессуального закона, регламентирующие принадлежность уголовных дел, к компетенции определенных органов дознания и предварительного следствия (ст.ст. 150, 151, 152, 157 УПК РФ и т.д.)

ских позиций, определяющих его цели, задачи, правовое значение, необходимость законодательного регулирования. Подследственность почему-то воспринимается как некая данность, которая существует априори, и с этим фактом просто надо смириться. Даже в одном из наиболее фундаментальных исследований по указанной проблематике – одноименной монографии З.З. Зинатуллина, М.С. Салахова и Л.Д. Чулюкина – наличие института подследственности в уголовном процессе объясняется следующим образом: «Подследственность существует постольку, поскольку по уголовному делу требуется произвести предварительное расследование» [8, с. 6]. Работы других ученых, как правило, просто ограничиваются описанием понятия и признаков подследственности [5, с. 36–39 ; 15, с. 14–28 ; 18, с. 41–44 ; 21, с. 49–52]. Методологические проблемы подследственности не затрагиваются и в современных, в том числе диссертационных, исследованиях [1, с. 9–10 ; 2, с. 7 ; 12, с. 11–30 ; 14, с. 14].

Для справедливости следует обратить внимание, что некоторые авторы все же пытаются определить значение подследственности как института уголовно-процессуального права и необходимости его законодательного регулирования. Так, например, В.Н. Григорьев и А.В. Селютин пишут, что институт подследственности является одним из средств укрепления законности, обеспечивает права участвующих в деле лиц, повышает воспитательную роль уголовного процесса [6, с. 5–6]. Однако эти суждения представляются несколько надуманными и голословными, поскольку вообще не подкреплены никакими аргументами. Другие ученые стараются показать значение подследственности в контексте некой правовой преемственности от близкого ей по характеру института подсудности. В частности, А.В. Смирнов и К.Б. Калинин отмечают, что правильное определение подследственности уголовного дела порождает право обвиняемого на

законного и беспристрастного следователя, подобно тому, как подсудность порождает право на законный суд. Поэтому несоблюдение таких правил следует признавать существенным нарушением закона, руководствуясь при этом ст. 381 УПК РФ [17, с. 351–352]. Близкая по смыслу позиция содержится и в Курсе уголовного процесса, подготовленном коллективом авторов кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [10, с. 652]. Однако с подобными утверждениями согласиться достаточно сложно. Ведь в отличие от подследственности институт подсудности имеет международно-правовые и конституционные корни (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 47 Конституции РФ). Поэтому и ранее действовавшая ст. 381 УПК РФ, и пришедшая ей на смену ст. 389.17 УПК РФ рассматривают в качестве существенных нарушений закона лишь неправильно определенную подсудность (незаконный состав суда); о подследственности там нет ни единого слова. Что же касается аргумента об обусловленности института подследственности правом на беспристрастного следователя, то, по нашему мнению, уважаемые авторы необоснованно смешивают ее содержание с нормами, регламентирующими основания для отвода (ст.ст. 61, 62 УПК РФ), которые имеют совершенно иное процессуальное значение.

Кроме того, подсудность уголовного дела (по крайней мере, предметная) вообще определяется на основании иных критериев, обусловленных не ведомственной принадлежностью, а уровнем судебного органа (районным, областным и т.д.)². В отличие от следователей и дознавателей, проходящих службу в различных ведомствах (Следственном комитете РФ, МВД РФ, ФСБ РФ и т.д.), к судьям судов

² В своих работах мы называем такой критерий *звеневым*, поскольку он обусловлен звеном судебной системы РФ [16, с. 467–468].

различных уровней законодатель предъявляет дифференцированные требования. Например, судьями областного (приравненного) суда могут быть только лица не моложе 30 лет и имеющие стаж работы в области юриспруденции не менее 7 лет, что, безусловно, предполагает наличие более высокого уровня профессионализма и жизненного опыта. Тогда как к следователям предъявляются примерно одинаковые требования (ст. 16 ФЗ «О СКР»³, ст. 9 ФЗ «О службе в ОВД»⁴, ст. 16 ФЗ «О ФСБ»⁵). Аналогичная ситуация складывается и применительно к профессиональной подготовке дознавателей. Конечно, для справедливости необходимо отметить, что такие требования могут несколько отличаться друг от друга. В частности, в исключительных случаях на должности следователей подразделений Следственного комитета РФ районного (приравненного) уровня могут назначаться студенты старших курсов юридических вузов (ч. 2 ст. 16 ФЗ «О СКР»), на должности следователей МВД – лица, имеющие иное образование или студенты старших курсов юридических вузов, и т.д.⁶ Однако приведенные отличия, во-первых, не находятся в прямой зависимости от правил подследственности уголовных дел. А во-вторых, они преимущественно носят подзаконный характер и установлены для исключительных ситуаций, связанных с недостаточным кадровым обеспечением отдельных территори-

альных органов, поэтому в перспективе, безусловно, должны сойти на нет. Тем более что согласно УПК РФ, имеющего, как известно, приоритет по вопросам правового регулирования уголовного судопроизводства, *все следователи и дознаватели обладают абсолютно одинаковым процессуальным статусом и имеют абсолютно одинаковые процессуальные полномочия*, за исключением той самой дифференциации, которая и вытекает из правил подследственности.

В этой связи возникает закономерный вопрос: какое все-таки значение имеет установленный уголовно-процессуальным законом институт подследственности? Ответ на него представляется очевидным. *Подследственность имеет исключительно организационное значение для оптимизации следственной практики*. Она позволяет разумно распределить уголовные дела между органами дознания и предварительного следствия в соответствии с их специализацией и территориальной зоной обслуживания; исключает необоснованные ведомственные и межведомственные споры правоохранительных органов; способствует определению штатной численности каждого из них и т.д. В принципе этот тезис не отвергается и большинством авторов, посвятивших свои работы данной проблематике. Например, В.Н. Григорьев и А.В. Селютин вполне справедливо отвечают, что правильно определенная подследственность способствует обеспечению полноты, объективности и быстроты расследования, снижает риски «следственной волокиты», поэтому имеет большую практическую важность и актуальность [6, с. 6–7]. И.Г. Башинская рассматривает правила подследственности как залог оперативности и слаженности в работе органов дознания и следствия [1, с. 9]. Н.В. Османова пишет о значении подследственности для оптимального распределения полномочий между органами предварительного расследования для обеспечения эффек-

³ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

⁴ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

⁵ Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» с последующими изменениями и дополнениями.

⁶ Приказ МВД России от 06 июля 2012 г. № 681 «Об условиях замещения отдельных должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава лицами, не имеющими высшего юридического образования» с последующими изменениями и дополнениями.

тивности производства по уголовному делу и т.д. [14, с. 14]

Таким образом, очевидно, что *никакого высокого правового значения, требующего нормативного регулирования на законодательном уровне, институт подследственности не имеет*. Предусмотренные правила распределения уголовных дел между органами дознания и предварительного следствия не обусловлены сущностью и назначением уголовного судопроизводства, не вытекают из его принципов, не связаны с реализацией предусмотренных Конституцией РФ и процессуальным законом прав и интересов участвующих в деле лиц, не несут в себе никаких процессуальных гарантий. Разве что в некоторых случаях они способствуют территориальной близости потерпевшего, свидетелей, иных лиц от органов дознания и предварительного следствия, помогая, таким образом, сэкономить время и затраты на дорогу. Причем последний аргумент опять-таки имеет не процессуальное, а сугубо организационное значение.

В этой связи становится понятным, почему в уголовно-процессуальной науке никогда не исследовались методологические вопросы подследственности, в частности не определялись ее правовые цели, задачи, межинституциональные связи, юридическое значение в системе общих условий предварительного расследования, а наличие соответствующих норм, традиционно воспринимается как некая данность, о чем мы писали выше. На высоком процессуальном уровне таких целей, задач, связей просто нет.

Представляется, что *правила распределения уголовных дел между органами предварительного расследования носят чисто технический характер и не требуют правовой регламентации в федеральном законе*.

А существующий законодательный порядок уголовно-процессуального регулирования института подследственности можно объяснить лишь ненадлежа-

щей теоретической проработанностью этого вопроса и ошибочностью национальной нормотворческой политики в области уголовного судопроизводства, предполагающей стремление «узаконить» (в узком смысле этого слова) гораздо более широкий круг правоотношений, чем этого требует здравый смысл. Последний тезис заслуживает особого внимания, поскольку современный УПК РФ, на наш взгляд, вообще сильно перегружен правовыми нормами, сугубо организационного или технического характера. Достаточно хотя бы вспомнить правила написания процессуальных документов (ст. 474 УПК РФ) или перечисление реквизитов для заполнения протокола допроса обвиняемого (ст. 174 УПК РФ). В этой связи остается лишь порадоваться, что законодатель, по крайней мере, исключил из Кодекса сами бланки протоколов и постановлений, что в свое время вообще не выдерживало никакой критики.

Федеральный закон должен оставаться законом – то есть нормативно-правовым актом, обладающим высшей юридической силой, и регламентирующим наиболее важные общественные отношения. Закон должен обладать высокой степенью стабильности, исключающей постоянные изменения и дополнения. Собственно говоря, Конституция РФ и устанавливает для этого особый, усложненный порядок законотворчества.

Однако Уголовно-процессуальный кодекс РФ за неполные 15 лет своего существования претерпел уже такое количество поправок, что остается только гадать, сколько еще в нем сохранилось первоначального текста. Во многом эти хаотичные изменения и дополнения обусловлены именно практической необходимостью оперативного или текущего «подрегулирования» сугубо технических вопросов, слабо связанных с фундаментальными уголовно-процессуальными ценностями. Причем по числу подобных «подрегулирований» институт подследст-

венности занимает если не первое, то, по крайней мере, одно из «призовых» мест.

И здесь нет ничего удивительного, поскольку государство таким образом вносит совершенно необходимые текущие коррективы в организацию работы органов предварительного расследования в целях оптимизации и повышения эффективности осуществления возложенных на них процессуальных функций, регулирует равномерность нагрузки на следователей и дознавателей, решает иные оперативные вопросы. А ввиду законодательного закрепления института подследственности для этого требуется внесение очередной (какой по счету!?) порции поправок в Уголовно-процессуальный кодекс. И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов постоянные колебания уголовного законодательства, которые тоже требуют соответствующих изменений в УПК РФ.

Кроме того, отнесение правил подследственности уголовных дел к предмету законодательного регулирования чревато возможностью весьма опасной ситуации для правоприменительной практики. Ведь вопросы самого существования, реорганизации и упразднения большинства органов дознания и предварительного следствия, перераспределения их функций находятся в исключительном ведении Президента РФ, принимающего по этому поводу соответствующие указы – подзаконные нормативные правовые акты. Причем любой из них неизбежно потребует очередных поправок в ст. 151 УПК РФ и другие нормы закона, касающиеся подследственности. За примером далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить недавнюю ликвидацию органов ФСКН России с передачей их функций Министерству внутренних дел РФ⁷. Конечно, в настоящее время данная проблема не столь очевидна вследствие единства

мнений Президента РФ и Федерального Собрания РФ по большинству вопросов правовой, в том числе уголовно-процессуальной, политики. Однако может сложиться и иная ситуация, предполагающая определенные несогласия между ними по данным проблемам (что уже бывало в новейшей истории России). В этом случае соответствующая законодательная инициатива вполне может быть отклонена. И что тогда? Кто будет расследовать уголовные дела, прямо отнесенные к ведению упраздненного или реорганизованного органа? Предварительное расследование окажется в тупике.

Существуют и проблемы, связанные с территориальной подследственностью уголовного дела, то есть местом производства предварительного расследования (ст. 152 УПК РФ), которым по общему правилу является место совершения (окончания) преступного деяния (большинства деяний или наиболее тяжкого из них), независимо от места наступления общественно опасных последствий. Однако практически (особенно на первоначальном этапе расследования) такое место установить далеко не всегда возможно, на что неоднократно обращалось внимание в специальной литературе [5, с. 38 ; 8, с. 39]. Достаточно вспомнить уже ставшие хрестоматийными примеры обнаружения в лесу неопознанного трупа (его частей) или телефонных угроз вымогателей. Эта проблема стала еще более актуальной в последние годы в связи с появлением новых преступлений, сопряженных с использованием телефонной связи, интернет-технологий и прочих современных технических средств коммуникации [11, с. 43–44 ; 22, с. 34–37 ; 26, с. 51–53]. Кстати, в этой связи вообще непонятно, почему разработчики действующего УПК РФ отказались от существовавшей в советском уголовно-процессуальном законе вполне удачной правовой конструкции, предполагавшей проведение предварительного расследования как по месту совершения

⁷ Указ Президента РФ от 05 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прокуроров и в сфере миграции».

преступного деяния, так и по месту его обнаружения (ст. 132 УПК РСФСР). Ввиду несовершенства ст. 152 УПК РФ, гипотеза которой просто не способна охватить всех возможных практических нюансов, правоприменительная практика фактически изобретает свои собственные правила определения территориальной подследственности, зачастую формально противоречащие нормам закона. Иного выхода просто нет. Так, в п. 7 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учете преступлений⁸ отмечается, что в случае, если не представляется возможным определить место совершения преступления, оно подлежит учету по месту его выявления, то есть первоначальной регистрации в книге учета сообщений о преступлениях. Циркулярное письмо начальника управления по надзору за производством дознания и оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры РФ от 4 апреля 2014 г. № 69-23-2014 выражает позицию об определении места совершения телефонного мошенничества, сопряженного с перечислением безналичных денежных средств, по месту, из которого была осуществлена банковская операция, то есть фактически по месту жительства потерпевшего или нахождения офиса его банка (банкомата).

Сложность обозначенной проблемы усугубляется еще и тем, что ввиду многоуровневой организации органов предварительного следствия (районные, областные, федеральные и т.д.) сама законодательная формулировка «место производства предварительного расследования» теряет всякий смысл и представляется достаточно условной. Например, Главное следственное управление центрального аппарата Следственного комитета РФ вправе принять к своему производству любое уголовное дело о преступлении,

совершенном в любой точке России. Главное следственное управление при ГУВД по г. Москве может проводить расследование по любому уголовному делу о преступлении, совершенном в любом районе г. Москвы, и т.д. Поэтому в реальности вопросы о месте производства предварительного расследования все равно регламентируются не столько УПК РФ, сколько ведомственными нормативно-правовыми актами, определяющими компетенцию следственных органов⁹.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы приходим к выводу: *институт подследственности должен быть исключен из Уголовно-процессуального кодекса РФ*, поскольку ни доктринально, ни практически не вписывается в предмет правового регулирования на законодательном уровне.

Вместе с тем хотелось бы обратить особое внимание, что высказанный нами тезис *вовсе не следует воспринимать как предложение полностью вывести правила подследственности из сферы уголовно-процессуального регулирования и предмета науки уголовно-процессуального права*. Полагаем, что дальнейшее проведение научных исследований, направленных на изучение вопросов подследственности и выработку соответствующих практических рекомендаций просто необходимо.

С учетом своего сугубо организационно-технического значения институт подследственности, не теряя уголовно-процессуальной направленности, должен приобрести подзаконный характер, предполагающий возможность оперативного внесения текущих коррективов, направленных на повышение эффективности и качества предварительного расследования. В этой связи нельзя не обратить внимание на как бы контраргумент, выражаемый некоторыми учеными, что уголовно-процессуальные отношения могут

⁸ Совместный приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Например: Приказ МВД России от 1 июля 2011 г. № 780 «Об утверждении положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации».

быть регламентированы только законом и что подзаконным актам не место в сфере уголовного судопроизводства [3, с. 62 ; 25, с. 33]. Вместе с тем мы придерживаемся иной точки зрения – о возможности регулирования отдельных уголовно-процессуальных отношений, не имеющих основополагающего характера, на подзаконном уровне [16, с. 50–91]. Кстати, подобная позиция прямо вытекает из содержания самого Кодекса, указывающего на нормотворческие полномочия Правительства РФ по ряду технических вопросов, возникающих в сфере уголовного судопроизводства (например, ст. 82 УПК РФ).

Таким образом, по нашему мнению, правила определения подследственности уголовных дел должны найти отражения в подзаконных нормативных правовых актах: в указах Президента РФ либо в постановлениях Правительства РФ, а возможно – в ведомственных и межведомственных приказах органов предварительного расследования и Генеральной прокуратуры РФ. Для более точного ответа на данный вопрос необходимы дальнейшие научные исследования, которые, как представляется, нужно проводить совместно со специалистами по административному праву.

Полагаем, что исключение правил определения подследственности уголов-

ных дел из сферы законодательного регулирования никоим образом не исказит сущность и назначение уголовного судопроизводства, не будет противоречить его принципам, не нанесет вред правам и свободам участников, не поставит под угрозу гарантии их реализации, а, напротив, будет способствовать скорейшему разрешению задач предварительного расследования.

И в завершение хотелось бы отметить, что сделанные в настоящей статье предложения не следует распространять на все правила, относящиеся к институту подследственности в широком понимании этого значения. Нормы, определяющие основания для дифференциации форм предварительного расследования (в частности положения ст. 150 УПК РФ), безусловно, должны сохранить законодательный характер, поскольку они обуславливают существование различных правовых режимов (дознания и предварительного следствия), характеризующихся разными процессуальными процедурами и разным уровнем гарантий прав и свобод участвующих лиц. Вместе с тем бланкетная гипотеза п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ может быть сформулирована и в ином виде, исключая простое перечисление норм Особенной части УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Башинская И.Г. Проблемы правовой регламентации института подследственности в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
2. Белоусов С.А. Подследственность в уголовном процессе и вопросы ее совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1994.
3. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения. М.: Юридическая литература, 1975.
4. Булдаков А.В. Подследственность: коллизии и пробелы // Российский следователь. 2003. № 8. С. 33–35.
5. Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования: учеб. пособие. М.: ВШ МВД СССР, 1971.
6. Григорьев В.Н., Селютин А.В. Подследственность в уголовном процессе (понятие, основания и порядок определения, проблемы разграничения): учеб. пособие. М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002.
7. Жиганов С.В., Дмитриев А.А. Подследственность дел о преступлениях, совершенных должностными лицами правоохранительных органов // Уголовный процесс. 2013. № 3 (99). С. 42–44.

8. Зинатуллин З.З., Салахов М.С., Чулюкин Л.Д. Подследственность уголовных дел. Казань, 1986.
9. Козловский П.В. Территориальная подследственность сообщений о преступлении, совершенном за пределами Российской Федерации // Законодательство и практика. 2014. № 1 (32). С. 67–68.
10. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.
11. Лукинов А.С. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9. С. 43–44.
12. Мифтахов Р.Л. Подследственность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.
13. Михайлов В.А., Коркина И.В., Цопанова И.Г. Подследственность по уголовным делам, о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных интегументов // Публичное и частное право. 2015. № III. С. 151–157.
14. Османова Н.В. Институт подследственности в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
15. Павлов Н.Е. Общие условия предварительного расследования (сравнительное исследование): учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1982.
16. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: ЭКСМО, 2009.
17. Смирнов А.В., Калиновский К.В. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. М.: КноРус, 2007.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
19. Супрун С.М. Подследственность органов предварительного расследования по уголовным делам частного обвинения // Вестник Омской юридической академии. 2011. № 14. С. 71–74.
20. Супрун С.М. Предметная подследственность органов дознания по производству дознания // Российский следователь. 2009. № 24. С. 4–6.
21. Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие. М.: Госюриздат, 1955.
22. Тютюник Р.Н., Новопашин Р.Р. Передача сообщения о преступлении по территориальной подследственности как способ укрытия преступления // Законность. 2015. № 9. С. 34–37.
23. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд. М.: Норма, 2013.
24. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015.
25. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002.
26. Фрост С.М., Федосов А.Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1 (963). С. 51–53.